

© 2009 г. А. Н. МЕДУШЕВСКИЙ*

КОГНИТИВНО-ИНФОРМАЦИОННАЯ ТЕОРИЯ В СОВРЕМЕННОМ ГУМАНИТАРНОМ ПОЗНАНИИ

Цель настоящей статьи – раскрыть значение когнитивно-информационной теории для гуманитарного познания вообще и исторической науки в частности. Данная теория, разработанная выдающимся российским ученым профессором О.М. Медушевской (1922–2007), предлагает принципиально новое решение проблемы гуманитарного (исторического) познания: определяет предмет и методологию данной области знаний, раскрывает логику научного познания – путь, по которому научная мысль должна следовать, если она действительно стремится к достижению доказательных и эмпирически верифицируемых результатов.

Ключевые параметры когнитивно-информационной теории гуманитарного познания таковы: объяснение особенностей современной ситуации в гуманитарном познании и способы преодоления трудностей; информационный феномен и необходимость разработки нового понятийного аппарата науки; обоснование концепции и метода когнитивной истории; смена парадигм в современной науке; определение места истории как строгой науки в междисциплинарном поиске; наукоучение как признак зрелой науки и раскрытие значения источниковедческой парадигмы в XX в.; создание основ социологии гуманитарного познания – выяснение соотношения науки, образования и профессионального выбора исследователей. На этой основе становится возможным определение общего значения когнитивно-информационной теории в создании целостной и достоверной системы представлений об обществе и его познании¹.

Как многие крупные мыслители, О.М. Медушевская чрезвычайно внимательно относилась к формулированию своих идей и понятий, а потому не спешила публиковать их. В основу исследования положены, поэтому, как опубликованные труды, так и материалы личного архива². В нашу задачу входит изложить основы этой теории, метод и структуру подхода к познанию социальных явлений и показать возможные пути ее развития и применения.

Гуманитарное познание XX в.: методологические трудности и способы их преодоления

В гуманитарном познании XX в. констатируются трудности, связанные с отсутствием как теории, адекватной современному состоянию науки, так и четких понятий, которыми могли бы оперировать разные области знаний. Основная причина этих трудностей – *несоответствие традиционных методов познания новой социальной реальности*. Три основных проблемы приобрели ключевое значение в новейшее время: глобализация, информатизация и познание «другого», т.е. мотивации поведения индивида, картина мира которого отличается от установившихся стереотипов данной цивилизации. Первый из этих процессов – глобализация – привел к разрушению устойчивых исторически сформировавшихся границ культурной и национальной идентично-

---

* Медушевский Андрей Николаевич, доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала «Российская история».

сти, а его следствием стало крушение европоцентризма как доминирующего подхода гуманитарных наук и связанных с ним иерархических приоритетов (постепенное осознание этого процесса происходило по мере расширения контактов с обществами, ранее находившимися на периферии магистрального пути мирового развития). Второй процесс – информатизация (рост объема информации и скорости ее распространения в результате появления новых технологий) – уже к середине XX в. привел к крушению линейной модели истории (поскольку стал возможен непосредственный обмен информацией между представителями разных культур вне учета их исторического генезиса). Третий процесс – познание «другого» – связан с необходимостью восприятия чужой культуры, мотивации поведения (человеческой одушевленности) и ее интерпретации в нейтральных научных понятиях (т.е. таких, которые не были бы перенесены автоматически из одной культуры в другую как эталон для сравнения).

Общим результатом этих процессов стал *кризис традиционной*, восходящей к метафизическим и эволюционистским философским доктринам XIX в., *методологии гуманитарного познания*. Он проявился в отказе от системности концепции мировой истории, в отрицании за историей звания полноценной науки (известное противопоставление наук о природе и наук о духе, выдвинутое в германской неокантианской философии истории начала XX в.), отрицании сравнительного метода как способа познания общественных закономерностей и явлений (как идиографических – неповторимых и уникальных), наконец, в отсутствии единых критериев доказательности в гуманитарном познании. Действительно, основная проблема методологии исторического познания связана с самим объектом исследования: внутренний мир человека ненаблюдаем и подвижен; внешнее поведение индивида и групп не охватывает сущностных свойств человека; эксперимент и непосредственное наблюдение возможны лишь в ограниченной степени. Это приводит многих современных исследователей к выводу о невозможности исторического познания в принципе или, во всяком случае, невозможности такого познания как строго научного.

С проблемой доказательного познания социальных явлений оказались неспособны справиться основные философские доктрины XIX–XX вв. – классический позитивизм и исторический материализм (поскольку они придерживались в общем и целом упрощенной теории «отражения»); неокантианский релятивизм и постмодернизм (поскольку исходили из другой крайности – непознаваемости мира и привнесения сознания исследователя в историю). Феноменологический подход предложил альтернативный двум предшествующим доктринам вариант решения, сформулировав проблему различения объекта и предмета познания – соотношения вещи и информации, которую из нее возможно получить (вещь сама по себе и вещь для нас). Феноменологический подход означал несомненный шаг вперед, приняв идею познаваемости явлений, но он не разработал методов такого познания в гуманитарных науках.

Решение данной проблемы стало возможно в результате *создания когнитивного метода в гуманитарном познании*. Отправной точкой стал поиск ответа на главный общий вопрос в философской и эмпирической эпистемологии: какова эмпирическая база для изучения самоорганизации сообществ, групп, систем, их функционирования в режиме целостности (диахрония, настоящее). Концепция когнитивной истории стала результатом научного синтеза ряда направлений гуманитарного знания – информатики и когнитивных наук (изучающих человеческое мышление), с одной стороны, историографии, источниковедения, структурной лингвистики, антропологии, – с другой³. Речь идет о новом синтезе теории информации и методологии классического источниковедения, получившего особое развитие в России XX в.

Человек в информационном пространстве: основные понятия когнитивно-информационной концепции

В результате этого подхода выстраивается принципиально *новая теория исторического познания*, основанная на рассмотрении информационного феномена.

Вне целостности информационной системы общество не может функционировать в принципе. Не выработав научного общего понятия информационной системы, нельзя анализировать способы ее функционирования и изучать структуры. Для историка это означает невозможность перехода от диахронного мониторинга развития к изучению действующей системы исторического настоящего. Поэтому ключевое значение имеет выработка адекватных понятий, отражающих информационный феномен как системный и целостный. Прежде всего, необходима критика того понятийного инструментария, который не соответствует этим требованиям, отказ от вводящего в заблуждение распространенного понятия «информационное общество»: этот термин возник в связи с доминированием информационного сектора, информационных технологий в новейшее время. Но общество «неинформационным» не бывает: его информационная системность и целостность присуща общественной организации любого типа, выступая в качестве универсального способа его связи, представленного как в истории, так и в современности, она охватывает как общество в целом, так и отдельные социальные группы, проявляет себя на различных уровнях социальной иерархии. И, следовательно, именно способ его связей, прежде всего информационных, оказался в центре внимания исследователей настоящего.

В связи с неадекватностью существующих подходов когнитивно-информационная теория выдвигает *ряд новых системных категорий*: это понятие информационной сферы, которая (по аналогии с категориями биосферы и ноосферы) определяет материально-вещественный след совокупного когнитивного феномена человеческого мышления, проявившегося в деятельности; информационной среды человека – пространства, в котором реализуется способность опосредованного (через материальный продукт) и информационного обмена, охватывающего, таким образом все разумное человечество в его истории. Информационный обмен существует по горизонтали (он имеет непосредственный характер, поскольку обмен идет в режиме настоящего времени – наблюдения вещей, обмена ими) и по вертикали (ретроспективный или опосредованный информационный обмен).

Ключевое значение для когнитивной концепции гуманитарного познания имеет именно *понятие опосредованного информационного обмена* – специфически человеческой способности обмена информацией через посредство целенаправленно созданных единиц интеллектуального продукта. Опосредованный информационный обмен осуществляется через материальный продукт, представляющий собой результат целенаправленной человеческой деятельности – осознанного поведения индивида, направленного к достижению поставленной цели.

Сама возможность данного вида обмена, принципиального для исторического познания, обусловлена *процессами социальной адаптации*, включающими две фазы – антропологическую адаптацию (помощь общества в освоении навыков человеческого поведения в виде становления «на ноги» в буквальном смысле слова) и когнитивную адаптацию – условие вхождения индивида в человеческую информационную среду через способность воплощать идею мышления в вещь и также, соответственно, способность распознавать в структуре целенаправленно созданной вещи ее назначение, функцию и смысл ее создания, распознавать идею другого индивида. Способность фиксировать информацию вовне и распознавать информацию, зафиксированную в вещи (как умение «писать» и соответственно «читать» продукт интеллекта), есть ключевой момент в становлении личности и сообщества.

Вся логика построения когнитивной теории гуманитарного познания и выработанных ею категорий связана, следовательно, с основополагающим *понятием информации*, которое до сих пор не получило в науке единого определения. Важно проследить, поэтому, как решает проблему данная концепция. Современная теория отправляется от идей Н. Винера: «Информация, – говорит он, – это обозначение содержания, полученного из внешнего мира в процессе нашего приспособления к нему и приспособления к нему наших чувств. Процесс получения и использования информации является процессом нашего приспособления к случайностям внешней среды и нашей жизнедеятель-

ности в этой среде»⁴. Отсюда – возможность *определения информации* по ряду параметров: во-первых, – это совокупность данных, востребованных системой для идентификации себя в окружающем (реальном) мире, т.е. совокупность данных о состоянии внешней среды, необходимых живой системе для обеспечения ее нормального функционирования; во-вторых, – это процесс, содержание которого состоит в истолковании внешне проявленных явлений: продукт истолкования живой системой внешних сигналов как признаков состояния окружающей среды; в-третьих, – результат познавательной деятельности системы, качеством которой является направленность на оптимизацию функционирования во внешнем мире; в-четвертых, информация – изложение, разъяснение, закрепление навыков распознавания глубинных изменений, процессов, по их внешним, непосредственно данным признакам; в-пятых, – способность живой системы прогнозировать изменения окружающей среды по внешним проявлениям, мера способности живой системы отслеживать состояние окружающей среды по внешним проявлениям⁵.

Центральная проблема когнитивных наук – это *феномен преобразования мысли (живой или динамичной информации) в вещь (информацию статичную)*. Естественные науки изучают процессы функционирования мышления, психология – психические аспекты мышления – действия и поведения, а историческая наука – изучает эмпирически данный продукт, целенаправленно создаваемый человеком. Феномен преобразования информации в вещь и вещи в информацию на разных уровнях испытывает качественные изменения. Он многократно описан и со стороны и изнутри: как возникает идея, смысл, как идея находит понимание, адекватный отклик в другом сознании, как происходит постепенное осуществление проекта: возникает замысел, материалы, средства, команда, воплощение продукта и его опробование, коррекция, развитие проекта, отношение к нему социума. В ходе этого процесса происходит расщепление идеи и продукта, превращение идеи в продукт, продукта в общее достояние – вещь (товар). Преобразованию идеи в продукт могут мешать социальные условия (работа «в стол»). Но, будучи преобразованной и фиксированной в материальном продукте, идея обретает свое эмпирическое воплощение.

На основании данного подхода становится возможным введение понятия *макрообъекта исторической науки* как всей совокупности интеллектуальных продуктов – целенаправленно создаваемых продуктов человеческой деятельности, всегда структурированных под цель их создания.

Наука когнитивной истории: предмет, метод и цель

Наука – область профессиональной деятельности, направленной на достижение нового, точного (ориентированного на степень точности) и систематизированного знания. Это знание представляет интеллектуальный продукт (изделие), которое обладает структурными свойствами, отвечающими его функции. Научное сообщество контролирует качество данного изделия. Наука обладает объективным содержанием лишь в той мере, в какой ведет самостоятельное существование в виде письменных произведений: в этой форме она живет тысячелетиями и переживает личности, поколения и нации.

История, – подчеркивает О.М. Медушевская, – «может быть наукой» в том случае, если имеет реальный, доступный для повторных интерпретаций и, следовательно, стабильно существующий объект; опирается на данные такого объекта, который охватывал бы человечество в целом (исторический процесс); этот объект должен отвечать главному условию, выражать системообразующее свойство феномена человека⁶. Концепция когнитивной истории видит решение проблемы в изучении целенаправленного человеческого поведения, которое, развиваясь в эмпирической реальности, неизбежно сопровождается фиксацией результатов исследования, созданием интеллектуальных продуктов. Эти последние и становятся отправной точкой доказательного исторического познания, возможного на основе методов классического источниковедения. Та-

ким образом, *когнитивная история* – «наука о человеческом мышлении, которое проявляет себя созданием интеллектуального продукта вовне, созданием информационного продукта своей целенаправленной деятельностью»⁷. Исходя из этого определяется предмет и объект исследования, а также его метод и цель.

Предмет изучения везде и всегда в науке и в жизни – это выявление смысла, т.е. механизма функционирования реальности. *Объект* – отграниченная часть реальности, наблюдение той ее части, которая предположительно представляется перспективной (адекватной, т.е. необходимой и достаточной) для установления механизмов функционирования явления. Отсюда первый вопрос исследователю – эта ли часть необходима, эта ли часть реальности достаточна для понимания данного механизма.

Метод – *есть путь*, который дает возможность, двигаясь от изучения эмпирического объекта, получить новое знание в соответствии с предметом, который представляет цель изучения. Под когнитивной историей, соответственно, понимается исследование универсальных характеристик человеческого мышления, и исходный постулат состоит в том, что такое изучение возможно: разум позволяет уплотнить результат мышления в материал, а он познаваем в принципе. В данной ситуации метод есть путь движения от объекта (продукта) к мышлению. Изучается фундаментальная характеристика познания – создание целенаправленного продукта как свойство деятельности.

Универсальная цель мышления есть постижение способов функционирования окружающей индивида реальности. Индивид использует реальность как информационный ресурс, этот процесс наблюдаем, его можно изучать. Затем происходит постижение смысла: как это происходит, не известно, и наблюдать это невозможно, но достигнутый смысл, будучи воплощен в вещь, уже наблюдаем. Можно судить, какую часть реального мира изучал индивид и что заметил, какой смысл постиг.

С этих позиций «*исторический процесс*» есть процесс взаимодействия индивидов, которые осуществляют свою целенаправленную деятельность в рамках эволюционно и глобально единого информационного пространства». Ключевое значение имеет в этой связи понятие деятельности, определяемой как «способ существования человека (самореализации индивида), преобразующего энергию своего замысла посредством последовательного воплощения в ряд целенаправленно созданных интеллектуальных продуктов». Это определение опирается на ключевое понятие реализованного продукта, что делает «исторический процесс в принципе исторически познаваемым через посредство совокупности интеллектуальных продуктов человеческой деятельности»⁸.

На этой основе становится возможной реабилитация понятия прогресса, неоднократно подвергавшегося сомнению и снисходительной критике в так называемой постмодернистской историографии. *Прогресс* – понятие, вполне объяснимое с позиций когнитивно-информационной теории. Каждый индивид, фиксирующий свой личный опыт в создании интеллектуального продукта как вещи (реализованного в пространственных рамках), вносит свой вклад в общий информационный ресурс человечества. Следовательно, каждое последующее поколение обладает новым уровнем информации о мире, обществе и человеке. Этот постоянно пополняемый информационный ресурс открывает все новые возможности динамичного развития человечества, т.е. прогресса. Чтобы превратить эту возможность в действительность, наука о человеке должна совершенствовать свои методы получения нового знания.

В итоге выдвигается принципиально *новое определение исторической науки*. Это – «фундаментальная наука о всех видах и формах человеческой деятельности, которые реализовались в ходе эволюционно и глобально целостного исторического процесса. История – эмпирическая наука, ибо она имеет реальный, доступный в принципе человеческому восприятию целостный макрообъект. Этот объект – совокупность продуктов целенаправленной человеческой деятельности, возникший на протяжении исторического процесса, целостного во времени и пространстве»⁹.

Целью исторической науки, исходя из этого, следует считать выявление новой информации о феномене человека и человечества, жизненно необходимой ему для определения перспектив своего места во вселенной, своей судьбы и путей выживания. Бес-

численные эксперименты индивидуальных судеб – это единственный реальный шанс для осмысления феномена человека в мире живого, в мире планеты и вселенной. У нас нет пока возможности сопоставить судьбы человечества с другими судьбами разумных существ. Следовательно, история – наш единственный шанс провести идентификацию и самоидентификацию себя в мире.

В результате можно реконструировать весь *цикл познания*, включающий три фазы. Первая – исходная картина мира автора, способы получения информации. Вторая – реальность произведения – интеллектуального продукта: его структура, замысел, определение того, насколько он выражен, информационный ресурс, которым обладал автор, постигнутый им смысл, его интерпретация. Между первой и второй фазами оказывается разрыв – ненаблюдаемый процесс аккумуляции информационного ресурса и его трансформации в произведение. Именно этот процесс становится объектом научного изучения. Третья фаза – использование данного продукта (произведения) как источника информации исследователем – фиксированное знание о мире, выводимое логическим путем. На этом этапе происходит наше (исследовательское) *постижение* смысла, функционирования мира в когнитивной истории, установление путей и способов мышления.

Смена парадигм в науке: от нарративизма к когнитивно-информационной концепции

Современная ситуация в науке определяется как смена парадигм, а именно – *переход от одной парадигмы (нарративизма) к другой (когнитивной истории)*¹⁰.

Нарративизм вообще – это традиционный способ историописания, при котором задача историка сводится по сути к задаче рассказчика, повествующего о событиях прошлого. В этом смысле нарративизм есть логика повседневного мышления, когда стремятся осмыслить причинно-следственные связи состоявшегося события, идя от результата к причине, с целью извлечения «уроков». С позиций когнитивного подхода следует различать традиционный (наивный) нарративизм, не ставящий задачей какую-либо проверку подлинности своих утверждений и нарративизм как метод историографии, предполагающий ограниченную проверку таких утверждений.

Коренные общие методологические пороки *нарративистской логики* состоят в следующем. Во-первых, она не предусматривает критериев различия истинного и ложного утверждений: истинный нарратив нельзя отличить от ложного, каждый опирается на «точку зрения» автора, под которую автор и собирает свои исторические «высказывания» или «примеры». Сообщество историков-нарративистов способно предъявить друг другу бесчисленное количество своих интерпретаций «прошлого» (что возводится в добродетель постмодернистской историографией, оперирующей понятием «смыслы» во множественном числе и утверждающей, что все понятия имеют исключительно конвенциональный характер, т.е. конструируются на основе «непротивления сторон» в отношении того, что есть истина). Кто бы спорил, что такой подход не является научным, что он не содержит явных различий исторического сочинения от исторического романа и т.д. Но это несколько не приближает нас к решению задач научного познания.

Во-вторых, констатируя этот факт, нарративная логика демонстративно противопоставляет науку (идеальным типом которой служат естественные науки, в которых есть предикат, т.е. возможность выразить в языке соотношение высказывания и реальности) и не науку – искусство (гуманитарные дисциплины, прежде всего история, поскольку у историографа-нарративиста действительно нет предиката, а только высказывания).

В-третьих, данная логика отрицает и полностью закрывает экспериментальный путь в историографии и, следовательно, возможность построения вариативных моделей и их эмпирической проверки. Исторический нарратив отличается от простого нарратива тем, что отдельные элементы создаваемого нарративистом произведения пред-

варительно проходят проверку: реальные объекты – на их соответствие пространственно-временным параметрам, а свидетельства очевидцев – на «искренность» и «точность» их авторов. Сути нарративной логики, однако, это не меняет: исторический нарратив восходит от результата (поэтому ему нужна «историческая дистанция») и исключает альтернативность («сослагательное наклонение»), ибо логика рассказа движется от результата к причинно-следственным связям без возможности выбора.

В результате возникает методологический тупик, в котором оказалась значительная часть современной историографии. Однако этот негативный результат, раскрытый логично и убедительно в рамках традиционного нарративизма – тоже результат. Он подтверждает то, о чем хорошо известно – история как искусство повествования, как искусство рассказывания о прошлом традиционна и постоянно воспроизводит все новые опыты такого рода, только это – не научное знание, не научное исследование. Но гораздо интереснее другой уровень логической нарративистики. Попытка преодолеть методологический тупик внутри нарративистской логики приводит к появлению новых модификаций нарративизма. Наиболее важная из них – осмысление данного метода в историографии (представленная прежде всего классическим позитивизмом, а затем современными неокантианскими философскими и лингвистическими теориями). Исследуя природу исторического нарратива как рассказа, включающего в себя исторические высказывания и примеры, исследователь берет письменные, т.е. доступные наблюдению и эмпирической проверке произведения. Эти произведения принадлежат к одному жанру, поскольку в них есть однородность и сопоставимость. И убеждается, что эта «суперструктура» рассказа не меняется в принципе, от Фукидида до современных нарративистов. Эта-то универсалия человеческого мышления и становится благодаря усилиям нарративной логики (на материале исторических нарративов) предметом исследования. Исследователя интересует в данной ситуации способ синтеза сознанием чувственных восприятий нарратива (Ф. Анкерсмит)¹¹.

Говоря более привычным языком теоретического источниковедения, можно констатировать, что, взяв в качестве совокупности источников продукты творчества историков-нарративистов, написанных в жанре рассказа, исследователь смог извлечь из этих произведений глубинную структурную информацию – не об историческом «прошлом», остающемся при таком подходе, естественно, за рамками наблюдателя, не о реальном способе человеческого мышления, которое является принципиально общим и, по-видимому, широко распространенным. Каждый такой нарратив имеет название, общие жанровые признаки, и каждый интересен не тем, насколько он «достоверно» изобразил «прошлое», но тем, что предстает как продукт человеческого (нарративистского) мышления, группирующего, упорядочивающего имеющиеся у него в наличии высказывания, фрагменты, примеры – в определенный порядок, соответственно собственной «точке зрения». «Не зная ничего об источниковедческом подходе, логик-философ, исследователь исторического нарратива сам для себя формулирует необходимые параметры своей экспериментальной источниковой базы: это реально существующие источники (письменность), это однородный жанр – повествование, это именно повествование с привлечением исторических высказываний. Важно, что уже осознана грань, с которой может работать исследователь человеческого мышления: это не россыпь высказываний, но целостный продукт, произведение, имеющее свой замысел и приданную структуру – в нарративе это структура рассказа»¹². Нарративист решал задачу исторического синтеза, связывая фрагментарные сообщения в новое целое, синтез понимался как априорное повествование, скрепленное с помощью метафор, поэтических средств и идеологических предпочтений. Данный подход давал историку возможность создавать образ прошлого, следуя а priori своему историческому воображению.

В этих условиях гуманитарное знание обратилось к традиционной проблематике герменевтики – искусства понимать и переводить старинные тексты, поднимая искусство понимания другого на более высокий философский уровень. Само по себе внимание к герменевтике – важный признак актуализации проблемы понимания чужого со-

знания – путем сравнения иного с собственным опытом, с системой различий, присущей интерпретатору. Герменевтика – искусство применения своей системы различий к чужому «тексту», к чужому способу мыслить и высказывать. При этом собственный способ мыслить и высказывать берется за образец. Но этот образ не абстрагирован, не обобщен. Находясь внутри системы с ее различиями, интерпретатор-герменевтик берет различия как само собой разумеющееся. В этом контексте становится возможным определить границы герменевтики как традиционного (восходящего к донаучному сознанию) приема истолкования и понимания смысла, заложенного в текст его автором, путем воссоздания логики его автора по аналогии с собственной логикой мышления интерпретатора. Поскольку разделить две эти логики невозможно, возникает так называемый герменевтический круг.

Другая трудность обнаруживается при попытках «привить» к логике традиционного герменевтического мышления усвоенные интерпретатором новые знания о человеке (лингвистика, антропология, психоанализ и др.). Герменевтика – способ существования познающего человека, кристаллизованный в опыте, языке, смысле. В рамках когнитивной теории (в отличие от релятивистской) смысл имеет характер знания, и потому создание смысла заново – некорректное выражение (равно как и отмечавшееся ранее использование понятия «смыслы» – во множественном числе). В этих трактовках смысл лишен объективного знания, он не проверяем и не является достижением. «Смыслы» – не накапливаются, а для тех, кто их коллекционирует, исчезает реальное содержание данного понятия. Напротив, когнитивная теория утверждает, что смысл (в единственном числе) – постигается и ведет к накоплению знаний, прогресс – это аккумулированное достоверное знание. В формуле «Я ищущий» – смысл постигается разумом, но будучи постигнут, он становится общим достоянием. Яблоки падали до Ньютона, но именно он постиг смысл связи яблока с притяжением земли. Модернизировать традиционную герменевтику путем «прививки к феноменологии» попытался П. Рикер¹³, и его неудача – важный вывод: чем богаче культурный опыт интерпретатора, тем более умножает он сущности интерпретируемого текста: он применяет современные достижения лингвистики, структурной антропологии, психоанализа и т.п., но в результате получает вместо одной интерпретации текста целый «букет» интерпретаций. В результате возникает *конфликт интерпретаций*, а чужое сознание от него ускользает по-прежнему. Выход из герменевтического круга один – переход сознания интерпретатора из повседневного уровня на уровень общенаучных универсалий. Его уже показала лингвистика: язык сопоставляется не с другим языком, но с общими понятиями грамматики. Разрешение этой дилеммы – обоснование критериев истории как строгой науки (основанной на доказательном знании).

Профессиональное сообщество историков, таким образом, находится в *ситуации смены парадигм*. Речь не идет о парадигме лишь в узком науковедческом смысле, – как разделяемой сообществом господствующей дисциплинарной концепции или нормативов принятого способа исследовательской деятельности, но прежде всего – о парадигме в более широком философском смысле, как общем для сообщества видении своего объекта и его соотносительности с мировым универсумом, понимании предмета истории как науки и пределов ее познавательных возможностей. По отношению к философской парадигме исторического познания на современном этапе следует говорить, возможно, даже не столько о смене, сколько о сосуществовании и постоянном противоборстве двух взаимоисключающих парадигм.

Одна парадигма (нарративизм), неотделимая от массового повседневного исторического сознания, опирается на многовековую традицию и в новейшее время нашла свое объяснение в идее уникальности и идиографичности исторического знания (противопоставление номотетических и идиографических наук), исключая перспективу поиска закономерности и видящего организующий момент такого знания лишь в ценностной выборке историка как познающего субъекта. Другая – когнитивная парадигма истории как строгой науки, стремящаяся выработать совместно с науками о природе и науками о жизни общие критерии системности, точности и доказательности пред-

ставляемого обществу нового знания, – существует, скорее как исключение, не будучи общепризнанной.

Конфликтный потенциал глобальной истории разворачивается таким образом, что не оставляет перспектив для усвоения традиционного констатирующего знания, лишь обостряя противоречия разных нарративов и не открывая простора для выявления общечеловеческих параметров исторического процесса. Напротив, парадигма истории как строгого знания открывает путь для новых интерпретаций, для исторической компаративистики, для исследования общих механизмов, порядка вещей реального мира и познавательных инициатив человеческого разума. История возможна и перспективна как наука, чьим предметом остаются возможности и пределы человеческого мышления, а эмпирическим объектом является совокупность созданных человеческим мышлением продуктов интеллектуальной деятельности.

История как строгая наука в междисциплинарном поиске

Философия гуманитарного знания как строгого и проверяемого оказывается перед главной эпистемологической проблемой – она исследует динамику соотношения между своим объектом (доступным для стабильного наблюдения) и своим предметом, который определяется как процесс функционирования внутрисистемных и внесистемных связей, выступающих условием существования человека в реальном мире. Материальный эмпирический образ изучаемого объекта необходим для строгого знания, но недостаточен (что и показала критика позитивизма, столь долго занимавшая внимание теоретиков исторического профессионализма традиционного типа). Для получения точного, проверяемого знания необходим выход наблюдателя (исследователя) за пределы наблюдаемой им системы. Выход был найден в утверждении системного подхода к структурно-функциональным закономерностям систем разного типа. Самостоятельное значение имеет при этом компаративистика, поскольку позволяет устанавливать внешне схожие параметры социальных систем, структур и функций в рамках исторического процесса (например, при сопоставлении юридических норм или грамматических правил разных обществ)¹⁴.

Структура – проявление феномена устойчивости информационно-когнитивных связей и отношений элементов в системе целого. Совокупность отношений внутри единой целостности сообществ осознается как общая теоретическая проблема гуманитарного знания. Направленный поиск этих структур, как индикаторов системной целостности, становится общей задачей гуманитаристики, а само направление разнонаправленных поисков получает общее название – структурализм. Опираясь на стабильные, узнаваемые структуры, в принципе возможно понять, как именно функционирует та или иная системная целостность («повседневность») человеческих сообществ. В свою очередь, по ряду направлений обнаружилось то ли отсутствие структур, то ли неготовность их распознать. Структуралистский поиск сменился постструктуралистским. Данный подход актуализирует такие области знаний, которые достигли наибольших успехов в применении точных методов – теория информации, структурно-функциональный подход, структурная лингвистика, а также те области прикладного исторического знания, которые связаны с разработкой методики добывания достоверных и доказательных знаний¹⁵. Различные познавательные методы (философские, антропологические, лингвистические) хорошо раскрываются в объяснении понятия вещи. Недостаток существующих подходов до последнего времени состоял, однако, в отсутствии единой единицы измерения информационного ресурса, поддающейся научному изучению и доказательной проверке выводов.

Универсум реального мира природы, в сущности, не имеет дискретного характера. *Дискретность* – это разделенность, прерывистость явлений. В природе нет отчетливой, индивидуально идентифицируемой прерывистости, нет и соответствующего восприятия у живых систем. Невозможно провести четкие и наблюдаемые границы отдельных объектов. Принципы дискретизации являются принципами человеческого

восприятия и потому сильно различаются между собой. На это обращает внимание лингвистика, говоря о том, что именно человек придает понимание дискретности окружающему миру (через систему понятий, отраженных в языке).

Каков механизм образования понятий, выражающих информационный ресурс человечества? Для понимания проблемы в рамках когнитивного метода важно различие понятий динамичной (живой) и статичной (фиксированной) информации, а также анализ процесса перехода от одного типа информации к другому в процессе создания интеллектуального продукта.

Динамичная (живая) информация – это способность живой системы улавливать связь между внешним проявлением окружающей среды, доступным чувственному восприятию, или, в ситуации человека, усилением чувственного восприятия с помощью техники (например, подзорная труба, усиливающая возможность увидеть на более далеком расстоянии, термометр и т.п.). Это – способность живой системы интерпретировать внешнее проявление окружающей среды как сигнал о состоянии данной среды. Итак, одна из составляющих для получения более полного объема живой информации – это способность улавливать связи, воспринимать физическое явление как сигнал о внутреннем состоянии окружающей среды. Вероятно, эта способность может быть развита путем ее постоянного функционирования, как и другие способности индивида. Другой составляющей для пополнения объема живой информации является разнообразие форм общения с внешней средой, возможность личного опыта взаимодействий с нею и в ней. Разнообразие внешних впечатлений является, как нам известно по опыту, важным моментом в формировании информационного объема, разнообразия и качества живой информации. Любознательность, любопытство, страсть к путешествиям («охота к перемене мест») суть разные проявления потребности живой системы в пополнении информационного ресурса посредством наблюдения, процесса формирования живой информации.

Живой информации противопоставляется *статичная (фиксированная) информация*, представленная в интеллектуальных продуктах. Поэтому она неподвластна рамкам времени и пространства. Рукописи в этом смысле – «не горят». Информационный обмен происходит по всему пространству деятельности человечества и в любой точке пространства. Человек отдает свой информационный ресурс на общее информационное пространство. В свою очередь, человек в принципе располагает всем ресурсом фиксированной информации, накопленной человечеством.

Разрабатывается *три основных ситуации*: 1) ситуация непосредственного – живого информационного обмена (все живые системы, в том числе и человек); 2) фиксирование уже добытого ресурса в вещественный – целенаправленно (намеренно) созданный продукт (при этом происходит высвобождение памяти); 3) ситуация обращения к этому реализованному продукту как источнику информации¹⁶. В качестве наглядного примера информационного обмена в опосредованной форме приведем следующий: используя глиняные таблички с рецептами варения пива древними шумерами, современные исследователи расшифровали запись, а пивовары, выполнив инструктивные указания, не только сварили пиво, но даже попробовали его. При этом выяснилось, что *живое* обращение к *опосредованной информации* не исчерпывается *намеренным* сообщением (посланием), но проявляется еще и на других уровнях *ненамеренной* информации: оказалось, что инструкция была записана древними пивоварами ритмичными «стихами». Значит, возможно предположить какое-то культовое действо, связанное со сложным делом пивоварения, что позволяет получить новые данные об атмосфере действа.

Ситуация превращения живой информации в фиксированную имеет важное эвристическое значение. *Остановленное мгновение* – открывает индивиду новые информационные возможности: а) для сохранения и передачи информации; в) для самопознания; с) для совершенствования движения к цели. От одномоментного соединения мышление-действие необходимо отличать деятельность. *Деятельность* – последовательность развернутых во времени действий, направляемых не отдельными импульсами окружающей среды, но заранее осознанной целью. Она отличается (от действий), во-первых,

возможностью неограничения во времени; во-вторых, возможностью неоднократной коррекции промежуточных результатов (позапной фиксации и поэтапной коррекции); в-третьих, возможностью уточнения цели осмысления проблемной ситуации. Деятельность, следовательно, есть осознанная последовательность актов мышления-действия, характеризующаяся созданием интеллектуальных продуктов, возможностью самокоррекции, осмысления пути к цели и осознанного выбора средств. Внешним отличием действия и деятельности как раз и является наличие интеллектуальных продуктов, осмысливаемых общностью замысла.

В этом контексте становится возможной интерпретация деятельности как творчества и раскрытие смысла последнего как осознанного и целенаправленного производства интеллектуального продукта. Творчество интуитивно, самоочевидно и само себя объясняет. Но оно включает *структурированный набор признаков*, один из которых (способность создавать) является самообразующим. Этот процесс включает *воспроизводство эталона* – воплощение видовых (оптимальных для данного процесса) форм интеллектуального продукта; организацию знания в памяти человека или программе определенным образом – в виде схемы. Результатом деятельности как творческого процесса становится реализованный интеллектуальный продукт или *изделие* – «идея (энергия мышления), преобразованная в вещественную форму». Для этого нужен материал, намеренное его структурирование, технология преобразования идеи в вещь. Все три компонента уверенно свидетельствуют о замысле: материал соответствует цели; форма – структуре; знаки – способам изготовления. Понятия «мастерить», «мастерство», «мастер» ассоциируются в творческой деятельности с такими понятиями как «творение», «сотворенное» и «тварь»¹⁷. Творческий процесс включает такие (*врожденные универсальные понятия*) как способность человека говорить и делать. Данный подход актуализирует такие понятия феноменологии и эпистемологии как морфология, пространство, симметрия, научная очевидность – знаки, формы, репрезентации. Он выражается, в частности, в антропологии письма: конструировании понятия автора – кто пишет (автор, писец), для чего (литературное произведение, письмо, научный труд), что это означает (например, подпись)¹⁸.

Вещь – личностна по происхождению, социальна по функциям, общечеловеческая – по информационному ресурсу. В соответствии с этими свойствами интеллектуального продукта различаются уровни создания, формирования и развития информационного ресурса. Первый уровень – личностное творение, созидание, функционирование человеческого мышления, индивидуальная человеческая деятельность, когда происходит переход от идеи к вещи (возникает интеллектуальный продукт и выражающие его понятия – соответствующие слова, термины). Второй уровень – социальный: его мотив – изделие для повседневности: интеллектуальный продукт раз возникнув, уже имеет свойства быть освоенным обществом; продукт на этом уровне функционирует как изделие, имеет социальное предназначение, выражаемое понятием «успех» (востребованность, объяснение, усвоение и присвоение достижений, тиражирование, трансляция, товарная цена – все это категории социума). Третий уровень – превращение статической (фиксированной) информации продукта в живую. Это уровень когнитивный или познавательный, фактически, метауровень, когда происходит самопознание процессов понимания: *вытеснение* внутреннего мира вовне, постижение смысла. Возникает интроспекция (самонаблюдение), научный анализ. На этом уровне информационный ресурс вещи оказывается важнее ее социальной (практической) пригодности (сохранение архива, старой вещи, произведений искусства)¹⁹.

Вывод об изделии (вещи) как единице дискретной эмпирической реальности, доступной научному познанию, закладывает основу нового метадисциплинарного синтеза, поскольку позволяет определить возможности каждой дисциплины гуманитарного познания на пути продвижения к точному и доказательному знанию.

Наукоучение как признак зрелой науки: источниковедческая парадигма и ее значение в XX в.

В рамках когнитивной теории новое объяснение получает логика развития самой исторической науки, ключевой фазой становления которой признается появление методологического ядра – самостоятельного раздела или области знаний – *наукоучения*, в котором обобщаются представления и знания сообщества о методах исследования. Появление наукоучения есть состояние «зрелой науки»²⁰. В XX в. разные гуманитарные дисциплины и методы претендовали на роль такого наукоучения – структурализм, герменевтика и структурная лингвистика. Но они не достигли цели, поскольку не отвечали критерию точности и доказательности: структурализм так и не дал единое определение структуры, герменевтика оказалась зависима от субъективной интерпретации смысла, философия языка, предложив ценные методы анализа грамматических структур и деконструкции текста, не пошла дальше этого в направлении точного знания (методологическая беспомощность понятия так называемого «дискурса» выражается лучше всего в неспособности установить эмпирическую единицу его измерения).

Когнитивно-информационная теория выдвигает свою концепцию наукоучения – им является *методология истории как теоретическое источниковедение*. Ключевыми фигурами в этом отношении признаются такие мыслители как И.Г. Дройзен²¹, Ш. Ланглуа и Ш. Сеньобос²², Э. Бернгейм²³, разрабатывавшие проблему на традиционной (позитивистской) основе. Переломный момент представлен феноменологической концепцией А.С. Лаппо-Данилевского²⁴ и его школы, разработавших классическую теорию познания и систему методов исторической науки в начале XX в.²⁵ В конечном счете, именно концепция Лаппо-Данилевского оказалась той основой, на которой развилась подлинная историческая наука и источниковедение в России XX в. Исторический источник – традиционно сложившийся термин, рассматривающий интеллектуальный продукт с позиций изучения содержащегося в нем информационного ресурса. Определив понятие исторического источника с теоретических позиций, классика методологии источниковедения (труды А.С. Лаппо-Данилевского) акцентировала внимание на его эмпирической данности (реализованный продукт), на его когнитивной универсальности (продукт человеческой психики) и его принципиальной познаваемости как продукта, созданного осознанно и целенаправленно, и потому доступного для изучения²⁶.

На этой основе когнитивная теория выдвигает *новое определение источниковедения*: это «эмпирическая гуманитарная наука, объектом которой являются интеллектуальные продукты, созданные в ходе целенаправленной человеческой деятельности, а предметом – конкретная содержательная значимость их информационного ресурса как источников для изучения человека, общества и мира в целом. Предметом источниковедения выступает изучение свойств эмпирического макрообъекта как источника информации, разработка его свойств и методов оценки значимости информационного ресурса»²⁷.

Данный подход, как было показано, позволяет осуществить новый междисциплинарный синтез (в частности – учитывая достижения теории информации) и объяснить смену парадигм в современной науке. Одновременно он позволяет найти решения ключевых проблем гуманитарного познания, которые не могли быть получены на основе предшествующих традиционных методов: во-первых, доказательно решить проблему качества информации в условиях быстрого изменения ее форм; во-вторых, раскрыть фундаментальную структуру универсального информационного ресурса исторической науки; в-третьих, указать на понятие интеллектуального продукта (вещи) как интегральной исследовательской категории гуманитарного познания вообще, исторического – в частности.

Понятие *качества информации* связано прежде всего с интерпретацией целенаправленной человеческой деятельности. Информационные технологии изменили восприятие мира, став между исследователем и историческим источником. Это привело, с одной стороны, к быстрому неконтролируемому увеличению объема информационно-

го ресурса, но с другой – резко снизило качество информации (которая не подвергается необходимой критической проверке и в возрастающей степени становится объектом манипулирования). В этих условиях встает проблема *различения подлинной и мнимой информации* (которая отнюдь не тождественна традиционной дилемме различения истинной и ложной информации)²⁸.

Появление *подлинной информации* связано с целенаправленной человеческой деятельностью и является ее функцией. Поскольку выработка информационного объема есть часть деятельности, подлинная информация всегда идет от реальности, актуализируя данные, фиксированные в вещественных формах или отложенные в памяти. Уникальные свойства человеческой природы, отличающие человека от других живых существ, проявляются, в частности, в его способности привносить в процесс познания окружающего мира категорию меры, меры пространства, меры времени, а также его способность фиксировать свою деятельность в знаковых системах документирования²⁹. Новая информационная картина, поэтому, ориентирована на деятельность, создание интеллектуального продукта, когда идет проверка полученного результата. Познавательный информационный обмен (в отличие от пустого – непознавательного) проявляет себя в актуализации интеллектуальных продуктов в их ненамеренной информации (архивы, музеи, коллекционирование, новая модель образования, наука как профессия). В ходе этого процесса активизировано мышление и поиск (например, поиск того, как преодолеть отсутствие какого-либо материала, необходимого для создания продукта, или изобретения инструмента, размышление о том, в каких понятиях и словах выразить этот результат).

Напротив, появление *мнимой информации*, ведущей к созданию имитационного информационного ресурса, предполагает внедеятельностное состояние индивида. Подобный имитационный информационный ресурс – не обязательно включает фактически ложную информацию, но создает в целом иллюзорную картину реальности, основанную на манипулировании отдельными элементами информационного ресурса. Его отличительные особенности: а) информационный продукт представляется в готовом для потребления виде; в) его формирование не содержит индивидуального деятельностного компонента (отсутствует полноценная энергетика познания, информационный магнетизм, связанный с индивидуальным отбором, проверкой и актуализацией данных); с) предлагается имитация познавательной деятельности. Поскольку поставка информационного ресурса является в современных условиях коммерческим предприятием, то поставщик имитирующего продукта оснащает его стимулирующими добавками: вместо информационной энергетике – апелляция к энергетике эмоций (страха, отвращения, преодоления тайны и т.п.); вместо рационального познания – апелляция к бессознательным структурам дочеловеческого, биологического, в частности – к потреблению (быстрая утрата этих дополнительных стимулов субъективно ощущается в феномене «скуки»); вместо накопления подлинного знания – дефицит реальной информации; вместо творчества – выработка определенных стереотипов и их банализация (понятие информационной «моды»); вместо кооперации исследователей – направленное навязывание информационного ресурса, ведущего к страху выпадения из стандартного информационного поля (того, что «все» видели, слышали, читали). В целом, «информацией» оказывается то, что уже есть у всех и одновременно, – нет ни у кого». *Манипулирование информационным обменом возможно вне связи информации с деятельностью.*

Информационная агрессивность, как следствие манипуляции, избирает ситуацию индивидов, которые не заняты познавательной деятельностью и уже в силу этого испытывают дефицит информационной энергетике, формирующей личность в ее интеллектуальной, а следовательно, и физической форме. Вакуум информации определяется понятием «скучно», которое на коммерческом уровне стремятся преодолеть извне путем привлечения суррогатных информационных добавок: «хлеба и зрелищ» требует интеллектуальный плебс – нетворческий индивид; он же – манипулируемый индивид.

Иммунитет против псевдоинформации может иметь только индивид, самостоятельно добывающий информацию, а это возможно лишь в состоянии деятельности.

Когнитивный подход позволяет раскрыть фундаментальную *структуру информационного ресурса*. Если принять совокупность интеллектуального продукта, созданного в ходе исторического процесса, как однородное множество (макрообъект исторической науки), то вид можно определить, в свою очередь, как классификационную единицу для обозначения отдельных подмножеств этого продукта. *Вид* – категория, обозначающая такое подмножество интеллектуального продукта, которое имеет общие признаки внешнего и внутреннего строения. Это общее определение, тем не менее, позволяет использовать видовой подход для изучения как одних видовых свойств определенного продукта (летописи, писцовые книги, мемуары, законодательство и пр.), так и проводить анализ видовой конфигурации эпохи, страны, социального целого, культурной целостности³⁰.

На уровне эмпирического знания можно применять *видовой подход* к изучению целостных сообществ, в рамках которых эти виды продукта возникают на определенном этапе развития. *Видовая конфигурация* – это состав набора видовых единиц множества интеллектуальных продуктов, находящихся в непосредственном обращении в изучаемой системе (сообществе, стране, культурной общности). Этот состав видовых единиц создает возможность корректного сопоставления видовых конфигураций изучаемых сообществ, стран, культур. Видовая конфигурация, представленные в ней виды продукта, дают основание для сопоставительной компаративистики: как по горизонтали синхронно существующих сообществ (синхронный подход), так и по временной вертикали (асинхронный подход), т.е. в сравнении этапов того же сообщества во времени – в разные периоды его исторического развития.

Появляется *интегральный объект исследования* – интеллектуальный продукт, информация которого доступна доказательному познанию с позиций источниковедения. Источниковедческий подход, как отмечалось, имеет исключительно важные преимущества в сравнении с традиционным нарративизмом. Нарратив с необходимостью предполагает авторский взгляд историка, конструирующего свой сюжет, свой способ организации фрагментарного материала. Именно поэтому его ценностная иерархия непосредственно доминирует в созданном произведении (тексте). Источниковедческая парадигма, напротив, исходит из методологического противопоставления объекта исследования (произведения) и его субъекта (исследователя-интерпретатора), делая акцент на критическую проверку выводов последнего³¹. Она предлагает читателю сами источники – документы как отправную точку исследования. Исторический документ – явление своего времени, и аналитик должен разработать систему критериев выведения доказательного знания, представленного в исследовании или научной публикации источника.

Синдром смешения свойств реального материального объекта и фрагментов знания – не допустим в науке. В физике он исчез сам собой со сменой парадигмы классической механики и переходом к квантовой концепции. Для исторического сообщества вопрос до сих пор актуален: достаточно посмотреть как в диссертациях трактуется вопрос о соотношении объекта (материального объекта наблюдаемой реальности) и предмета исследования. Независимость наблюдения внешней реальности и наблюдателя «извне» аксиоматична и здесь. Следует, однако, не упустить и другую сторону проблемы: независимость эта в физике возникает естественно (ибо физическая реальность не реагирует на наблюдение), а в истории она не возникает сама по себе – в человеческой эмпирической реальности наблюдатель извне и наблюдатель внутри системы – должны специально различаться. Этот вопрос давно и внимательно изучался методологами: он имеет место уже в классификации Дройзена: остатки внешней реальности и, наряду с ними, смешанные формы остатка и результатов наблюдения. Бернгейм четко различает собственно остатки изучаемой реальности и ее наблюдение (традиция), подчеркивая различие методов их изучения. В методологии когнитивной

истории (наукоучении) эта задача получает окончательное теоретическое разрешение в концепции отношения познания, познающего субъекта и объекта познания (вещи).

С этих позиций принципиально важен анализ *развития российского источниковедения XX столетия*, основные заслуги которого состояли в следующем. Во-первых, в условиях идеократического режима была сохранена научная (исследовательская) составляющая метода. Необходимое разделение науки и политики (о котором как идеальном типе писал М. Вебер) не могло быть реализовано в России XX в. Интеллигенция, не обладая возможностью открыто выступить против режима, стремилась противостоять ему на культурном уровне, особенно в тех областях, которые требовали профессиональных знаний и наименее поддавались идеологическому манипулированию. Выход был найден в теоретическом источниковедении и практической реализации его установок³². Подобно средневековым глоссаторам и комментаторам, которые не могли обсуждать смысл канонических текстов, но занимались сравнением редакций и толкованием терминов, выдающиеся представители научного сообщества (как, например, С.Н. Валк) противопоставляли официальному историческому нарративу источниковедческую парадигму точного знания (в основном, в виде академических публикаций источников по древней истории, но иногда даже идеологических документов, например, сочинений В.И. Ленина).

Во-вторых, обоснован видовой подход к классификации исторических источников (наиболее адекватный концепции когнитивной истории). Проблематика российских подходов в теории источниковедения и структурных параметрах исторических источников соответствует общим тенденциям эпистемологии гуманитарного знания XX в., содержательно и хронологически совпадает с эпохой подъема структурализма. В дискуссиях 50–60-х гг. XX в. о концепции курса общего источниковедения и принципах классификации источников в создававшейся тогда программе курса четко представлена эпистемологическая дилемма: либо – размытое представление о неструктурированном «океане» источников, в котором познающий субъект свободен выбрать нечто «важное» по его собственной иерархии ценностей, либо научная классификация «по видам», отражающая устойчивые, исторически сформировавшиеся и фиксированные информационные связи. Сходная альтернатива представлена в дискуссии того же времени о классификационных представлениях в архивистике: либо искусственные тематические серии, либо, напротив, сохранение естественно-исторических связей документа и фонда (известный принцип недробимости фонда). В этом споре удалось отстоять видовой принцип и отвести настойчиво предлагавшуюся альтернативу – группировать источники тематически (по принципу обзоров, «отнесением к ценности» более важных, менее и т.п.). Тем самым были остановлены попытки конъюнктурного идеологического перформатирования источниковой базы российской истории³³.

В-третьих, дана концепция логически непротиворечивого, доказательного пути установления и передачи значимости информационного ресурса. Если говорить о влиянии источниковедческой парадигмы на восприятие исторического знания в современной России, то на первое место следует поставить тот несомненный факт, что преподавание истории основано на изучении всего корпуса интеллектуального продукта – исторических источников по видовому признаку: видовая конфигурация российской истории с древнейших времен до настоящего времени была положена в основу структуры университетских учебников XX–XXI вв. (издания МГИАИ, РГГУ, МГУ, региональных университетов России и ряда других стран)³⁴. Этот подход, представленный прежде всего школой теоретического источниковедения О.М. Медушевской, является системным, позволяя осуществлять восприятие истории в рамках исторического настоящего в его видовой конкретной реальности и применять единые критерии доказательности выводов³⁵.

Общее значение источниковедческой парадигмы – способность отделить истинное знание от ложного и подлинную информацию от мнимой (или псевдознания).

Механизмы информационных процессов с позиций когнитивной методологии предполагают выяснение социальных параметров информационного феномена; взаимного отношения таких понятий как объяснение и понимание, наука и образование, факторов, влияющих на этический и профессиональный выбор ученого³⁶.

Когнитивная наука – это не только теория и исследовательская практика ученого. Это также образовательная модель истории как эмпирической науки, имеющей свой объект и потому вступающей в исследовательские контакты с науками о человеке и науками о природе. Проблема реорганизации (переориентирования) гуманитарной науки и университетского образования стоит в центре внимания. Общая их линия определена следующим образом: наука выделяет предметную область метода и рассматривает ее. Именно методы исследования – преподаются. Информационный ресурс исторического опыта востребован, но необходима актуализация дисциплин цикла методологии истории в университетском образовании.

При конструировании образовательной модели с позиций когнитивной теории важно различать объяснение и понимание. *Объяснение* – трансляция исследователем постигнутого им смысла другому. Это – познавательная ситуация двух неравнозначных индивидов, один из которых уже сделал открытие, изобретение, постижение смысла, и он транслирует суть этого смысла другому, для этого он выстраивает цепь понятий, излагает свою логику, или изображает модель – схему принципа действия, способствуя в итоге пониманию. *Понимание* есть выявление смысла и методов, которыми он постигается. В педагогике объяснение и понимание лежат в основе разных моделей.

Представлено, исходя из этого, две образовательных модели – *транслирующая и когнитивная*, между которыми существует принципиальное различие. Первая (транслирующая) объясняет, означает, убеждает эмоционально. При этом не создается информационной энергетике и потому нужны особые приемы занимательности, привлечение эмоций и т.п., иначе «скучно». Вторая (когнитивная) – учит понимать: сообщает исходные данные и излагает способы выведения смысла, открытия из эмпирики данных. Здесь информационная энергетика возникает сама – на уровне самостоятельного выведения смысла³⁷.

Данная (когнитивная) концепция дает дополнительные *аргументы в пользу сохранения фундаментального гуманитарного университетского образования*, основное преимущество которого (по сравнению с различными вариантами прагматического или прикладного образования) усматривается прежде всего в передаче молодым поколениям навыков самостоятельной оценки и критического анализа информации³⁸. Сформировать образ науки в университетском образовании – значит представить, как данная наука добывает новое знание. Образовательная концепция, конструируемая для данной цели обучения уже не есть традиционная транслирующая модель (по определению не способная различить известное и новое знание): востребована именно «модель когнитивно-информационная, потому что она ориентирована на познание, а в познавательном процессе самое ценное – это обучение методу»³⁹. В частности, способности различать истинную информацию от ложной с позиций интересов творчески формируемой картины мира социума и отдельного индивида.

Когнитивная концепция составляет, поэтому, основу такой образовательной модели, которая должна стать доминирующей в современном обществе. Три составляющих фундаментального университетского образования, которые открывают перспективы наддисциплинарного диалога наук о природе в широком смысле и наук о человеке, имеют принципиальное значение: когнитивная методология, поскольку она определяет связь философии и эмпирической науки в познании реального мира; структурализм когнитивной истории, поскольку он выявляет специфику структурно-функционального подхода в гуманитарном познании; источниковедческая компетентность, поскольку

она определяет специфику человеческого (опосредованного) информационного обмена, дает метод распознавания информационного ресурса⁴⁰.

Нельзя сказать, что когнитивная образовательная модель нейтральна в отношении *этических категорий*, таких как *истина и добро*. Напротив, они выступают как важнейшие параметры и предмет когнитивного процесса, определяя этику профессионального сообщества. Смена парадигм (переход от нарративизма к когнитивной истории) ставит научное сообщество перед вполне реальной дилеммой – занятие строгой наукой (и тогда разработка методов критической проверки данных и установление критериев доказательности выводов) или искусством, т.е. следование релятивистским установкам, размывающим научные методы и оперирующим псевдопонятиями, лишёнными научного значения). Выбор на индивидуальном и коллективном уровне зависит от ряда внешних факторов, определяемых социологией науки, но в то же время диктуется осознанной нравственной позицией. Проблемы научного сообщества как самостоятельного объекта исследования получают осмысление в рамках когнитивной теории по следующим параметрам: конфликты школ, традиционализм и модернизм, повседневность и открытия, догматизм и инновации, ориентация на постижение смысла или сознательный уход от этой установки под влиянием страха, сомнений, эгоистических интересов или политических установок. Все эти психологические состояния исследователей значимы с когнитивной точки зрения, поскольку позволяют раскрыть разные ситуации соотношения науки и политики XX в., отражающие логику и трудности человеческого познания⁴¹.

Решение проблемы на современном этапе состоит в *профессионализации научного сообщества* как осознанном этическом выборе. Соотнесенность интеллектуального успеха (новое знание) и коммерческого успеха (заработанные средства при продаже науки как товара) всегда составляют проблему соотношения научного сообщества и власти. Одним из вариантов решения данной проблемы является такая *самоидентификация* и такое *структурирование научного сообщества*, которые основаны на понимании и принятии когнитивного процесса достижения нового знания (и отчета перед обществом интеллектуальным продуктом в виде новых трудов); другой вариант – такое соединение науки и образования (университетская наука), которое обеспечивает переход от транслирующей модели к когнитивной и позволяет выдвигать в виде интеллектуального продукта учебные издания (дающие новое качество понимания, а не только коммерческую отдачу), третий вариант – создание системы ценностей, закрепляющих приоритетный статус специалистов, способных создавать новое знание, определенный интеллектуальный продукт, имеющий фундаментальное познавательное значение⁴². Наука, конечно, не отграничена от общества и потому направления ее исследований соотнесены с потребностями общества, с его амбициями и ожиданиями. Однако, это отношение более опосредованно, нежели знания, потому что в противном случае кардинально новые идеи, опережающие массовое сознание, не могли бы состояться. Ученый – это тот, кто свободно выбирает предмет своих исследований, в отличие от знатока, ориентированного на практическое использование.

Вклад когнитивно-информационной теории в формирование научной картины мира

Когнитивно-информационная теория О.М. Медушевской, преодолевая односторонность традиционных познавательных схем, создает основы новой методологии гуманитарного познания и показывает пути ее практического применения. Масштаб теории определяется уровнем подхода автора когнитивной теории к изучению общества, сопоставимым с философией истории Гегеля, нравственным абсолютизмом Канта, поиском отточенных логических категорий Гуссерля, сравнительным подходом к глобальному историческому процессу А. Тойнби, стремлением к целостной разработке методологии науки в традициях В.И. Вернадского и А.С. Лаппо-Данилевского.

Во-первых, данная теория вводит в науку новый системообразующий принцип – универсальных когнитивно-информационных взаимосвязей общества, и разрабатывает на этой основе категориальный аппарат – систему оригинальных логически взаимосвязанных понятий. Присущее индивиду свойство воспринимать информационный ресурс, заключенный в интеллектуальных продуктах, созданных другим человеком и включать его в свою информационную картину, позволяет раскрыть различие между антропологическим и когнитивным видами социальной адаптации: последняя состоит как раз в освоении способности индивида завершить цикл активного мышления фазой фиксации его результата в виде интеллектуального продукта, вещи, и умения расшифровать ее информацию. Целенаправленная деятельность фиксирует самое себя и создает множество интеллектуальных продуктов. Интеллектуальный продукт есть та фундаментальная связь, которая через опосредованный информационный обмен соединяет социум и обеспечивает его информационный ресурс – макрообъект истории.

Во-вторых, теория обосновывает предмет и метод истории как когнитивной науки. История выступает как эмпирическая наука, она изучает интеллектуальный продукт. Предмет когнитивной истории, следовательно, – сознание, мышление. Но одновременно становится определенным изучение этого сознания как эмпирической реальности. Оно возможно через привлечение источника – реализованного продукта целенаправленной человеческой деятельности. Так когнитивная деятельность выступает как предмет науки, а эмпирическим ее объектом становится сам реализованный продукт.

В-третьих, когнитивистская теория раскрывает механизм познавательной деятельности. Важно, что каждый новый уровень преобразований информации – динамичной в статичную (продукт) и продукта в динамичную информацию участников социума – происходит непрерывно: даже если индивид по тем или иным причинам выбывает из этого функционирования, его продукт продолжает свое участие в информационном обмене. Поэтому каждый новый виток информационного обмена идет не по кругу, а постоянно наращивает общий объем информационного ресурса, участвующего в опосредованном информационном обмене. Есть в этой схеме преобразовательные ситуации, которые индивид совершает в глубине своего сознания. Это – *идея обретения смысла*, понимания, творчества, когда мысль выступает в виде идеального образа будущего интеллектуального продукта. Накопление информации в вещественных формах составляет содержание прогресса в истории. Информационные связи внутри социума замкнуты. Это его общая картина мира.

В-четвертых, на этой основе сформулировано новое наукоучение – методология истории как зрелой (строгой и точной) науки, способной к достижению достоверного и доказательного знания. Если фундаментальное свойство человека это мышление, то ключевая проблема – в какой мере мышление познаваемо, в какой мере оно может быть предметом эмпирического изучения. Когнитивная теория отвечает на этот вопрос, раскрывая логику гуманитарного научного познания, включающую ряд основных стадий – от гипотезы к постижению и фиксации смысла и от него – к новой познавательной деятельности.

В-пятых, данная теория решает проблемы, с которыми не удалось справиться традиционной методологии истории – экзегетике (включающей различные формы нарративизма и герменевтики). Главная из них – проблема доказательного познания в гуманитарных науках. Эта ситуация в науке определяется как смена парадигм – переход от нарративизма к когнитивно-информационной парадигме. Что особенно важно для преодоления нарративистской парадигмы – это новый подход к историческому синтезу: он не вообразается историком априорно, но выстраивается как следствие самого феномена источника. Культура мыслится как целое, познаваемое через продукт, который она произвела.

В-шестых, теория акцентирует такие параметры познавательного процесса как метод, логика, когнитивная устремленность к смыслу. Путь к истории как точной науке ведет свое начало от теории и методологии понимания смысла: она утверждает цельность продукта как следствие целеполагания индивида, определяя его (продукт) как ре-

зультат и воплощение человеческой психики, источник информации, и утверждая исследовательский метод через постулирование чужой одушевленности. Материальный образ продукта воссоздается как явление культуры (методология теоретического источниковедения и исторического построения).

В-седьмых, теория определяет критерии качества информационного ресурса, его структурные параметры, а также интегральную единицу измерения. На этой основе становится возможным решение проблем соотношения опыта и знания, объяснения и понимания, науки и образования, создания его современной концепции в университетском преподавании.

В целом, когнитивно-информационная теория – это *новая парадигма* в науке, открывающая перспективы формирования доказательного гуманитарного познания, критериев отделения подлинной информации от мнимой, познавательной модели образования от транслирующей, превращения истории в строгую и точную науку⁴³. Ее создание радикально меняет ситуацию в науке и принципиально важно для определения стратегии научных исследований и гуманитарного образования, этического и профессионального выбора интеллигенции.

Примечания

¹ Медушевская О.М. Теория и методология истории. М., 2008.

² Архив исследователя включает следующие виды документов: рукописи опубликованных работ, материалы лекционных курсов, конспекты научной литературы с элементами критического анализа, переписку с российскими и иностранными учеными. В данной статье используется ряд понятийных определений, не вошедших в опубликованные труды или получивших в них иную формулировку.

³ Направления данного синтеза представлены в следующих изданиях: Точное гуманитарное знание: традиции, проблемы, методы, результаты. М., 1999; Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании. М., 1996. Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. М., 1998; Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания. М., 2002.

⁴ Винер Н. Кибернетика и общество. М., 1959. С. 31.

⁵ Эти направления интерпретации понятия «информация» очень подробно представлены в неопубликованных рукописных текстах: набросках теории информации, а также конспектах литературы по этому вопросу.

⁶ Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008. С. 11–12.

⁷ Там же. С. 353.

⁸ Цитируется по рукописным материалам архива. В опубликованных работах представлены несколько иные формулировки.

⁹ Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. С. 351.

¹⁰ Медушевская О.М. История в общей системе познания: смена парадигм // Единство гуманитарного знания: новый синтез. М., 2007.

¹¹ Анкерсмит Ф. Нарративная логика: Семантический анализ языка историков. М., 2003.

¹² Критика нарративизма представлена здесь по рукописному тексту анализа книги Анкерсмита.

¹³ Рикер П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. М., 1995.

¹⁴ Медушевская О.М. Источниковедение и сравнительный метод в гуманитарном знании: проблемы методологии // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании. М., 1996.

¹⁵ Этот вопрос подробно разработан в опубликованном труде: Медушевская О.М. Методология истории как строгой науки // Точное гуманитарное знание: традиции, проблемы, методы, результаты. М., 1999.

¹⁶ Данная концепция – соотношения живой и фиксированной информации и преобразования одного вида в другой – подробно представлена в архиве в рамках рукописного текста лекционного курса по методологии истории, где она раскрывается на большом эмпирическом материале. Все последующие примеры взяты отсюда.

¹⁷ В этом смысле актуализируется метафора М. Блока о ремесле историка. См.: Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986.

¹⁸ «Scribantur haec...». Проблема автора и авторства в истории культуры. М., 1993; О феномене письма и палеографическом методе в науках о человеке см.: «Я иду на занятия»: вспомогательные исторические дисциплины. М., 2004. С. 188–191.

¹⁹ Данный подход представлен в специальном курсе «Вещь в культуре: Источниковедческий метод историко-антропологического исследования» // «Я иду на занятия»: источниковедение. М., 2004. С. 202–225.

²⁰ В философии постановка проблемы принадлежит Гуссерлю: Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994.

²¹ Дройзен И.Г. Историка. СПб., 2004.

²² Лангдуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. СПб., 1899.

²³ Бернгейм Э. Введение в историческую науку. СПб., 1909.

- ²⁴ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. СПб., 1910–1913.
- ²⁵ Подробнее: Медушевская О.М. Феноменология культуры: концепция А.С. Лаппо-Данилевского в гуманитарном познании новейшего времени // Исторические записки. М., 1999. Т. 2 (120). С. 100–136.
- ²⁶ Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания. М., 2002.
- ²⁷ Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. С. 352.
- ²⁸ Эти понятия не были в полной мере введены автором в научный оборот и приводятся здесь по архивным рукописям.
- ²⁹ Вспомогательные дисциплины помогают понять фундаментальные человеческие свойства – привносить в познание окружающего мира человеческую меру пространства (метрология), меру времени (хронология) и способность документировать познание в знаках (палеография). Поднимаясь над страноведческими, локальными, региональными разделяющими историю границами, они дают простор для движения мысли – от наглядного, доступного чувственному восприятию материала, цвета, графики, объема – к философской антропологии или компаративистике. См.: Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания. М., 2008.
- ³⁰ Постановка проблемы представлена в работе: Медушевская О.М. Точное знание в истории: структуралистский аспект // Вспомогательные исторические дисциплины: классическое наследие и новые направления. М., 2006.
- ³¹ Медушевская О.М. Источниковедение. Теория, история и метод. М., 1996.
- ³² Медушевская О.М. Источниковедение в России XX в.: научная мысль и социальная реальность // Советская историография. М., 1996.
- ³³ Подробнее о дискуссиях этого периода: Беленький И.Л. Путь научного поиска О.М. Медушевской // Археографический ежегодник. М., 1994. С. 212–220.
- ³⁴ Источниковедение: Теория. История. Метод. М., 2004.
- ³⁵ Казаков Р.Б., Румянцев М.Ф. О.М. Медушевская и формирование российской школы теоретического источниковедения // Российская история. 2009. № 1.
- ³⁶ Медушевская О.М. Когнитивно-информационная модель образования в науках о человеке // Образ науки в университетском образовании. М., 2005.
- ³⁷ Данная идея является лейтмотивом сборника: Образ науки в университетском образовании. М., 2005.
- ³⁸ Эта тема отражена в последнем интервью О.М. Медушевской. См.: Аудитория, 2007. № 35–36. С. 2–3.
- ³⁹ Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. С. 313.
- ⁴⁰ Именно эти параметры положены О.М. Медушевской в основу концепции РГГУ как университета нового типа. Они отражены в ее выступлениях на Ученом совете университета, в архивных документах, в частности, тезисах доклада «Условия превращения РГГУ в современный открытый вуз».
- ⁴¹ На когнитивную значимость эмоциональных процессов в науке обратили внимание рецензенты труда О.М. Медушевской. См.: Сабенникова И.В. // Российская история. 2009. № 2.
- ⁴² Медушевская О.М. История как наука: когнитивный аспект и профессиональное сообщество // Вестник РГГУ. 2008. № 4.
- ⁴³ Именно этот вывод определяет стратегию научных исследований на современном этапе. См.: Аналитическая история: Журнал и приоритетные направления его деятельности // Отечественная история. 2008. № 5.